

Многопрофильная олимпиада КГУ «Твой выбор» по литературе 8 класс

Прочитайте рассказ Е.И. Носова «Дёжка» и выполните задания.

Е.И. Носов

«Дёжка»

Заплутались мы было в мрачноватом Жерновецком лесу: сунемся по одной дороге – завал, ветролом навалил старых трухлявых осин, свернем на другую – уводит в низкий, сырой распадок, заросший мелкой кабаньей чащобой. В какой уже раз хватались за лопату, крошили сухостой, гатили провальные колеи, залитые черной сметаной, и так угваздались колесными выбросами, что и сами стали походить на лешаков. От долгой и бестолковой возни с машиной мы почти не разговаривали, из колеи несло удушливой сернистой вонью, источаемой, казалось, самой преисподней, а тут еще лес давил на нервы своей равнодушной, глухой, колодезной замкнутостью пространства, в котором резкий, разносимый эхом сорочий вскрик еще больше порождает щемящее чувство непролазного одиночества.

Родившись на открытых холмах, я с детства ощущал себя в лесу лишь гостем, робким и присмирившим, озираясь, невольно ожидал какой-то таившейся внезапности, а шлепки переспелых желудей, падающих с дубов на сухую подстилку, чудились мне вкрадчивыми шагами. Это потом закрепилось на всю жизнь, и я не смог бы поселиться в лесу добровольно, как живут, скажем, костромские молчаливые лесовики, довольствуясь всего только клочком неба над избушкой.

Мне же подавай небеса от края до края, всю их устоявшуюся погожую синь или всю уймищу облаков, которые вдруг объявятся у горизонта и потом, гонимые разрозненно и вольно, будто нескончаемые небесные овны. Или же апокалипсическое боренье туч-великанов, косматых, встрепанных, волочащих по земле изодранные рубища, в порыве титанических страстей подминающих одна другую с утробным и натужным ворчаньем и вдруг потрясающих Вселенную громовым многообвальным хохотом, от которого и на тебя, застигнутое ливнем ничтожно малое существо среди необъятности земли и неба, нисходит возвышающая душу причастность к буйству стихий. И ты счастлив, что испытал и пережил такое. Может, потому и не терплю я плотных заборов, теснящей дачной огороженности, за которой всегда мнится чье-то незримое око, и убежден, что никакая душевная песня не сможет зародиться в лесу, в загороди, а только там, где «степь да степь кругом» и «далеко, далеко степь за Волгу ушла...»

И когда наконец выбрались из лесу и, заглушив издерганный и перегретый мотор, взбежали на ближайшую горушку и повалились на залитую солнцем упругую траву, мы распростлали свои тела с таким блаженством, какое испытал, наверное, толстовский Жилин, вырвавшись на свободу. После сырого сумеречного леса здесь, на высоком полевом угоре, было необыкновенно светло и просторно, над нами бездонно и умиротворенно млело вечеряющее небо, а в придорожных клеверах и кашках разморенно и упоенно стрекотали кузнечики, и каждая былка, каждый полынок и богородничек, обласканные теплом и светом, щедро источали свои сокровенные запахи, которые подхватывал и разносил окрест сухой, прогретый ветер.

Мы не знали, где находимся, в какое место выехали, но из всего того, что нас окружало – из простора, горьковатого веяния трав и сияния солнца, – возникло успокаивающее чувство дома и родины, и мы беспечно задремали.

Поначалу показалось, будто это причудилось мне во сне, но когда я открыл глаза и снова увидел живое небо, стало отчетливо слышать детский голосок, звеневший бесхитростно и ломко:

И без страха отряд поскакал на врага, Завязалась кровавая битва...

Я приподнялся над травами: неподалеку, в сизом от ягод терновнике, бродили коровы, трещали ветками, прочесывая бока о колючий кустарник, а чуть поодаль, верхом на крепком чернявом коньке в самодельном тряпичном седле восседал годов десяти пастушонок. На нем была синяя школьная олимпийка и мягкая буденовка с большой красной звездой. Не замечая нашего присутствия, вдохновляемый простором и вольным безлюдьем, он-то и распевал во всю мальчишескую мочь, никого не стесняясь:

Он упал возле ног вороного коня

И закрыл свои карие очи...

«Ты, конек вороной, передай, дорогой,

Что я честно погиб за рабочих...»

Я встал и пошел расспросить про дорогу. Завидев меня, заляпанного грязью, пастушок оборвал песню, диковато набычился. И только вблизи я разглядел, что из-под буденовки торчали девчачьи солоmistые косицы, оплетенные голубыми лентами.

– Не бойся, – сказал я как можно дружелюбней. – Это я в лесу так выпачкался. Машину толкал... А я думал, ты – мальчишка... Тебя как зовут-то?

– Дёжка я.

– Как это?

– Ну, Надежда. А если по-простому, то Дёжка.

– А-а, теперь ясно. Значит, чья-то надежда. Мамкина, небось?

– Ага, – просто согласилась пастушонка.

– И папкина?

– А папки нету.

– Ах, так... – смутился я.

Молодой конь нетерпеливо переступал передними ногами, повитыми бугристыми жгутами мышц, отмахивая мух, гулко бил по животу задним копытом, с волосяным посвистом сек себя хвостом, нервно подергивал холкой, и темная шелковистая шкура на нем антрацитно лоснилась, играла на солнце живыми слепящими бликами. От коня крепко, хорошо и почти забыто пахло здоровой силой (как давно не был я вот так рядом с лошадьё, какой неожиданный пласт воспоминаний всколыхнула ее близость!), и, счастливо хмелея от этого конского духа, я дружески взял конька, беспрестанно мотавшего мордой, под самодельные веревочные уздцы. Конь не потерпел моей руки и норовисто дернул и вырвал уздечку, едва не свалив меня с ног. Дёжка, однако, чувствовала себя на его беспокойной, ходившей ходуном бочкоподобной спине вполне уютно и непринужденно, будто прилипшая к телу муха.

– Значит, пастушничаешь?

– Ага.

– По очереди?

– А я и вчера пасла, и позавчера... Кажин день.

– Что так?

– Люди за себя просят. Кто заболел, кому просто день нужен. Вечером постучатся: Дёжка, попаси за меня завтра. Да и мамка говорит: уважь, доча. Чего зря дома сидеть? А у меня каникулы. Ну, я и согласна. Не за так, конечно.

– За что же?

– А-а, не знаю... Мамка сама договаривается. Говорит, теплые сапожки к зиме в школу надо и платок. А я лучше б проигрыватель...

– А не боязно тебе здесь?

– Не-к!

– Ну, одна все-таки...

– Я не одна, я – с конем...

– Да, хороший у тебя конек. – Я протянул было ладошку, чтобы потрепать по гривастой шее, но конь так недобро, неприязненно покосился закровенелым глазом, что я невольно убрал руку. – Как зовут-то?

– Никак... Просто конь, и всё.

– Ну, как это – просто конь? У каждой лошади должно быть имя. Ведь оно в колхозной инвентарной книге значится.

– А он в колхозе не живет.

– То есть как это – не живет? А где же?

– А нигде...

– Как же так – нигде?

– Так вот... Где ночь застанет, там и ночует. Это мамка его заловила и на двор к нам привела. Хлебца, хлебца ему – он и зашел. Потому как мне пасти надо. Без коня пасти уморно. Не сдюжаешь. Поначалу мамка на него мешок с картошкой клала, чтоб привык. Сперва маленько насыпала, а потом побольше, потяжелей. А там и я залазить научилась. А больше никого не подпускает. Я мамке говорю, давай насовсем себе оставим. Нет, не хочет, говорит, не выдумывай. Вот до школы попасешь, а там и отпустим.

– И как же зимой, где он будет?

– А нигде... В поле..

– Один?

Дёжка неопределенно передернула плечами и посмотрела вверх меня, куда-то далеко.

– Ну, а пасти коров не скучно ли?

– **Не-к... Мне нравится. Кругом – воля. Далеко видать. Самолеты летают, ленты по небу делают. Облака разные: только что было такое, а отвернулся – оно уже по-другому. А вчера цапли летали. Четыре штуки высоко-высоко. И всё – кругами... А еще хорошо песни петь. Въедешь на горку, глядишь, глядишь вокруг – красота! Так бы и полетела... Ну, полететь не полетишь, а покричать охота. Песни сами находят.**

– И какие же?

– А всякие.

– Ну, а все-таки?

– «По Дону гуляет...» – слышали такую?

– «Казак молодой»?

– Вот-вот! – обрадованно закивала Дёжка. – Эту. А еще – «Выхожу один я на дорогу» – знаете?

– А как же!

– «Белеет парус одинокий»?

– Тоже знаю.

– «Пуховый платок»? – теперь уже Дёжка экзаменовала меня.

– Знаю.

– А про калину?

– «Что стоишь, качаясь...»?

– Не-е! – торжествующе засмеялась она. – То про рябину. А про калину так... – И она, придав лицу строгую отрешенность, напомнила голосом:

Калина красная, калина вызрела,

Я у залеточки характер вызнала.

Характер вызнала, характер он такой:

Я не уважила, а он пошел с другой...

– Да, это совсем другая, – рассмеялся я. – И откуда ты все это берешь?

– От бабушки. «Позарастали стежки-дорожки», «Зачем тебя я, милый мой, узнала» – это я от бабушки. Она у нас не ходила, все лежала. И голосу почти не стало. Едва слышно. А все равно пела мне. Возьмет за руку и тихо так напевает... Полежит-полежит,

отдохнет и еще споет. Это, говорит, чтоб ты меня помнила... А я, верно, я все ее песни помню, ни одной не забыла...

– Теперь уже не забудешь никогда.

Дёжка внимательно посмотрела на меня, осмысливая мои слова.

– Вот... А «Калину красную» – это я уже без бабушки, по телевизору. А еще Аллу Пугачеву знаю.

– «Все могут короли»?

– Ага! – кивнула Дёжка.

– Нет, бабушкины песни лучше.

– А то еще про маэстро, – и пояснила скороговоркой: «Я в восьмом ряду, в восьмом ряду...»

– Покажи-ка нам все-таки, – перебил я Дёжку, – как на большую дорогу выбраться. Не пойму, куда мы заехали.

– А тут недалеко. Сейчас покажу, – готовно согласилась она. – Вы только за мной поезжайте.

Я крикнул своим, чтобы сошли к машине. Насунув покрепче буденовку, взмахивая оттопыренными локтями в лад гулкому на сухой убитой дороге копытному скоку, Дёжка пустила конька впереди нас.

На маковке холма конь нетерпеливо затанцевал и зафыркал от выхлопов рядом работающего мотора, а она, натягивая поводья и обводя взглядом открывшиеся окрестности, принялась пояснять:

– Во-он, видите, от леса лог пошел?

– Так, так...

– Там наша речка Виногробль начинается.

– Ага, ага...

– Ее нигде не переедете до самой плотины.

– Так, а как же на плотину попасть?

– А вы вон по той кукурузе ступайте. Все прямо и прямо. Там дорога ведет на плотину.

– Ну, спасибо тебе, Дёжка! – помахал я рукой в открытое автомобильное оконце. – Хорошее у тебя имя! Ты и впрямь мамина надежда.

Дёжка, раскачиваясь на вертлявом, никак не желающем стоять коньке, смущенно и счастливо заулыбалась.

– В нашем селе не я одна, – прокричала она. – Многих девочек так называют. И маму мою Надеждой зовут.

– Вот как!

– Это, сказывают, еще от Надежды Васильевны пошло. По ее имю.

– Кто такая? Какая-нибудь колхозная знаменитость?

Дёжка что-то ответила, но нетерпеливый конь заплясал, застучал копытами и вдруг понес ее прочь от машины.

Я еще раз помахал ей рукой.

За кукурузой, по ту сторону холма, вдруг открылось большое, широко раскинувшееся село с целой системой прудов по логам и развилкам, позолочено блестящих при закатном солнце. И по этим давно мне знакомым прудам я догадался, что перед нами знаменитое Винниково.

– Братцы! – крикнул я. – Это же Винниково!

Да, это отсюда почти век назад вывезли на неуклюжей крестьянской колыхаге четырнадцатилетнюю девочку, обладавшую дивным голосом, дабы по бедности определить ее за монастырские харчи в хорошее пение. Оттуда она вскоре бежала в большой песенный мир, к Собинову и Шаляпину, чтобы стать Надеждой Плевицкой.

И уже на большой асфальтированной дороге, перебирая впечатления минувшего дня, вспомнил, что и знаменитую певицу в босоногом винниковском детстве тоже кликали Дёжкой...

Нет, все же есть, есть что-то песнотворное в этих открытых небу и ветру холмах!

1985

1. Составьте список слов и выражений, позволивших автору создать яркий образ природы Курского края.

2. Выпишите из текста 3-4 примера употребления художественных приемов, позволивших автору создать образ героини.

3. Напишите эссе-размышление (10-15 предложений) о том, как фрагмент, выделенный в тексте рассказа жирным шрифтом, характеризует героиню? Озаглавьте своё сочинение.

Многопрофильная олимпиада КГУ «Твой выбор» по литературе 9 класс

Прочитайте рассказ Е.И. Носова «Ракитовый чай» и выполните задания.

Е.И. Носов

«Ракитовый чай»

Никогда не пробовали ракитовый чай? Хороший напиток. Ни одна заварка не сравнится с ним, если приготовить его по всем правилам. А условия такие: во-первых, не пытаться варить чай на кухне. Ничего из этого не получится. Берите чайник, а лучше — обыкновенный котелок, в каких на базаре продают улежалые лесные груши, и отправляйтесь на речку. Вода из крана не годится для этого чая. Непременно нужна речная, чуть пахнущая тиной, желтыми кувшинками и телорезом.

Надо захватить с собой и удочки. Ведь, придя на берег реки, не станешь сразу, ни с того ни с сего, пить чай. Немножко порыбачьте, благо на вечерней зорьке исправно клюют окуни и плотвица. А когда погаснут самые высокие перистые облака и сумерки загустеют настолько, что не станет видно поплавков, пожалуйста, разжигайте костер и вешайте на огонь котелок. Раньше этого времени начинать варить чай нельзя: покажется невкусным. Когда из соседних кустов в спину пахнёт влажной прохладой и обдаст тело мелким ознобом, особенно приятно греть руки о кружку с горячим чаем, вдыхая аромат замечательного напитка. А чтобы чай получился именно ракитовым — чуть-чуть горьковатым, немножко вяжущим язык, чтобы он приобрел цвет палого листа, нужно разжигать костер ветками лозы или ракиты. В этом, пожалуй, главный секрет той прелести, какой славится среди рыболовов настоящий ракитовый чай.

Я вам расскажу, как сам обучался этому необходимому искусству.

Дело было давно, когда мне минул восьмой год, а моему соседу Алексею одиннадцатый. Алексей уже ходил с ребятами в ночное и нередко приносил в своей холщовой сумке головастых скользких сомят. Сейчас бы эти сомята, величиной чуть побольше столовой ложки, вызвали чувство жалости к ним. Слишком уж они были малы и беспомощны. Но тогда я разглядывал их с восхищением. Ведь мне разрешалось ходить на рыбалку только днем, и обычной моей добычей были пескари и уклейки.

И вот однажды, снимая с крыши сарая связку удилиц, Алексей крикнул:

— Айда, скажи матери, что, мол, Алешка берет тебя на рыбалку. Да сахару попроси. Будем чай варить.

— И заварки спросить? — обрадовался я, кубарем срываясь с забора.

— Заварки никакой не надо. Чай сам по себе заварится.

До реки было километра два пути по заливному лугу, пестрому от цветущих трав. Встречный ветер обдавал нас пахучими волнами разомлевшего за долгий летний день разнотравья. Я был возбужден широким простором, быстрой ходьбой, тем, что нес настоящие удочки, доверенные мне Алексеем, предвкушением ночной охоты и множеством других неуловимых ощущений, которые у взрослых создают хорошее настроение, а у ребятшек вызывают неудержимое желание кувыркаться и горланить. И верно, когда на пути встречались метровые, усыпанные острыми шипами кусты татарок, мы, поджав босые ноги, с гиком проносились над их красными шапками или с размаху подрубили комлями удилиц.

Алексей осторожно, чтобы не уколоть пальцы, взял подсеченную головку колючки:

— А знаешь, почему ее татаркой зовут?

— Нет. А ты?

— А я знаю. Это еще когда татары на Русь нападали, они с собой колючки из далеких степей привезли. Вот их и стали называть татарками.

— Нарочно привезли?

— Чудной какой! Зачем — нарочно? Семена могли в конском хвосте застрясть, в походной кибитке, мало ли где.

И вдруг, пускаясь в отчаянный галоп, Алексей загорланил:

— За мно-о-ой! Татарское войско бежит! Ура!

Мы вихрем налетели на колючки и с еще большим ожесточением сшибали им головы, изображая собой что-то вроде дружины Дмитрия Донского, преследующего разгромленное войско незваных пришельцев.

Когда пришли к реке, Алексей, будто вспомнив, что ему не к лицу в моем присутствии быть обыкновенным мальчишкой, каким он был на лугу, вдруг посерьезнел, нарочито сдвинул брови.

— Тут толку не будет,— осмотрев берег, сказал он тоном знатока. Пойдем-ка к лесу.

Ниже по течению река, извиваясь, вползала в густые заросли лозы, черемухи, мелколистного клена, карагача, среди которых возвышались старые ракиты, иные — расколотые молниями, иные — со сквозными светящимися дуплами, с узловатыми наростами на стволах, с самым фантастическим рисунком кроны. Издали их темные силуэты напоминали сказочных великанов и диковинных зверей.

В лесу даже днем было сумрачно от непроницаемого полога из веток и листвы мелкоколосья. Редкие травы, блеклые и тощие, безнадежно тянулись вверх. Земля никогда не просыхала. Было тихо, прохладно и немножко боязно.

— Лески не оборви,— предупредил Алексей, ступая на тропинку, протоптанную коровами.

Иногда коровьи следы выводили на открытые поляны, поросшие такими буйными травами, что шагавший впереди Алексей скрывался в них с головой, видны были только кончики удилищ, перекинутых через его плечо. Растения, будто наперегонки, тянулись кверху, стараясь оттеснить друг друга, вырваться на простор, к солнечному свету. Гигантские лопухи, под листьями которых можно укрыться от дождя, красноватые зловонные стволы болиголова, цепкие лозы дикой малины были густо оплетены хмелем, вьюнком и еще какими-то ползучими травами. Местами под ногами чавкала вода, суходольные растения сменялись зарослями стрелолиста и осоки, среди которых виднелись бело-розовые цветы ядовитой частухи. Иногда над темной болотной зеленью вспыхивали огненно-желтые факелы цветущих ирисов.

И опять мы вступали в сумрачный и гулкий коридор плотно стоящих древесных стволов, голых почти до самых верхушек. Казалось, что этой глухомани не будет конца.

— Леш, скоро речка? — спрашивал я, все время отставая от своего товарища.

— Скоро! — сердито отмахивался Алексей.

— А может, мы не туда идем?

— Не хнычь! Знал бы, что ты такой, ни за что не взял бы.

Лес неожиданно кончился крутым глинистым обрывом. Над ним по самому краю вилась протоптанная рыболовами дорожка. Алексей осмотрелся и выбрал место, где обрыв сменился пологим песчаным спуском. Мы сошли к самой реке. Вечерело. Лес ронял на воду длинную тень, достававшую почти до противоположного берега, отчего река казалась глубже и таинственней. Над темно-зеленой водой хороводили комары. Охотясь за ними, то и дело плескалась мелкая рыбешка.

Алексей размотал самую большую удочку, наживил воробья. Потом достал из сумки колокольчик, сделанный из обрезка гильзы от охотничьего ружья. Колокольчик привязал к концу удилища. Ночью поплавок не видно, поэтому о поклевке должен оповестить сторожок.

Мне тоже не терпелось поскорей забросить удочку, но Алексей прогнал меня собирать хворост для костра. Вскоре на песчаной косе вспыхнул и весело заплясал огонь, от которого еще больше загустели сумерки. Лес шагнул к самому огню и остановился,

задумавшись и распростав над костром черные лохматые лапы своих ветвей, будто грея их. Мир разделился на две части: одна — маленький освещенный пятачок с костром посередине, все остальное черное небо, черная вода, черный лес. Наступила ночь. Первая моя ночь на рыбалке. Она была полна таинственной, невидимой жизни. Совсем близко в кустах шуршали листья. Над огнем, шарахаясь из стороны в сторону, проносились летучие мыши. В воде что-то шлепало, барахталось. Я ворочал головой, боязливо ловя непонятные мне ночные звуки.

— Леш, что это шлепает?

Алексей сидел по другую сторону костра. Он выкапывал из углей картошку, накалывал ножом, пробуя, не испеклась ли, и готовую зарывал в холодный песок, чтобы немножко остыла. Дым, словно собака, то ласкался к нему, то лез в мое лицо. Мы морщились и поочередно пускали слезы. Но отодвигаться подальше, в холодную темень, не хотелось.

Вдруг раздался короткий звон сторожка. Алексей мгновенно вскочил на ноги, шмыгнул в темноту и затаился у берега. Звон повторился, на этот раз дольше и настойчивее. Алексей рванул удилице, вода под берегом заплескалась. И вот уже в полосу света шлепнулось черное извивающееся тело соменка. Рыбина судорожно била хвостом, разбрасывая песок. Алексей посадил соменка на кулан и опустил его у берега в воду. Сом живо заходил, всплескиваясь и дергая бечеву.

Снова забросили удочку и принялись за картошку. Ели с аппетитом, пачкая лица обгорелой кожурой и хрустя запеченными корками. Алексей, не остывший от возбуждения, рассказывал, как он подсек, а потом выволок соменка. Я заискивающе поддакивал, обрадованный разговором, который хоть немножко рассеивал ночные страхи.

Когда доели картошку, Алексей достал из сумки котелок и зачерпнул им из речки воды.

— А хвост-то весь пожгли,— сказал он, шаря рукой в том месте, где был сложен сушняк.

Мы молча глядели, как по углям пробежали последние огненные судороги. Потом Алексей сказал:

— Пойду поищу дров.

Я остался сидеть у костра и, вытянув шею, прислушивался к удаляющимся шагам товарища. Было слышно, как под его ногами шуршала трава, хрустели ветки. Наконец звуки шагов затихли, растворились в ночной тишине.

— Леш-ка! — завопил я, не выдержав одиночества.

По лесу тревожной волной, будоража листву, прокатился ветер. В огонь что-то тяжело шлепнулось и зашипело. Потом что-то упало в котелок, всплеснув в нем воду. Ударилось о козырек моего картуза, часто застучало по листьям над головой. Костер зачалдил едким ползучим дымом. Прибежал Алексей.

— Чего мокнешь? — сердито сказал он.— Возьми в моей сумке клеенку, накройся.

— А ты?

— Я обойдусь. Дрова искать надо.

— Да ну его, этот чай! — захныкал я.

Дождь усилился, гулко и четко забарабанил по клеенке. Вдруг захотелось домой, под одеяло. Скорей бы утро.

— Лезь под клеенку,— позвал я товарища.

— Давай лучше навес устроим,— предложил он.

Мы воткнули в обрыв две палки, привязали между ними клеенку и залезли под нее.

Я вспомнил про кусочки сахара в кармане и сказал:

— Я свой сахар съем, ладно?

— Погоди. Скоро дождь перестанет — чай вскипятим.

Но дождь, как назло, лил все сильнее. Рядом, с корневещ, свисающих с обрыва, тоненькими струйками стекала вода. Песок под нами намок, он лип к босым ногам, к одежде, неизвестно как попадал на зубы.

Вдруг жерди, воткнутые в обрыв, наклонились, и все наше шаткое сооружение рухнуло. Целое озеро ледяной воды, скопившееся на клеенке, хлынуло на головы.

— Давай, братуха, плясать, а то позамерзаем к чертовой бабушке. Или лучше пойдем дрова собирать. Все равно мокрые.

Будто затем только и лил, чтобы промочить нас до нитки, дождь постепенно стал утихать. Мы вскарабкались по мокрой глине на кручу и ощупью, боясь напороться на торчащие сучья, побрели в чашу.

— Где их искать, дрова-то? — спросил я, протягивая руки в черную пустоту.

— А ты садись на корточках и ощупывай землю. Тут много веток.

Делать нечего: надо было становиться на четвереньки. Боязливо, пять за пядью ощупывал я подножия деревьев, то и дело задевал тонкие стволы молодой поросли, и на меня каскадом сыпались холодные дождевые капли.

Кое-как собрали топливо, разожгли костер. Дрожа всем телом и окончательно потеряв дар речи, мы сушили над огнем мокрую и грязную одежду. А когда огонь грозился снова погаснуть, оставляли рубахи у костра на полке и голые шли в лес, под холодный душ дождевой капли. Зато, вернувшись с охапкой дров, мы с наслаждением отогревали свои закоченевшие тела, чуть ли не давая пламени лизать наши животы.

Наконец-то забрезжил запоздалый рассвет. В посветлевшем лесу мы наломали ракутвых веток и разложили такой костер, какой разжигали в старину полинезийские дикари в дни своих самых торжественных праздников. Да и сами мы походили на полинезийцев — голые, с растрепанными мокрыми волосами, с разрисованными печеной картошкой лицами.

— В-в-во-д-а за-за-к-к-кипела,— пробарабанил я.

— Сни-м-м-май к-ко-телок,— в ответ защелкал чубами Алексей.

Я снял котелок. Когда чай немного остыл, мы принялись пировать. Алексей отхлебнул первым. Я достал свой сахар, заранее откусил от него маленький кусочек и принял в озябшие ладошки закопченную посудину. В котелке плавал уголь, подпаленные листья и еще какой-то мусор. Я подул на воду, сгоняя сор к другому краю, и тоже отхлебнул. Чай пах дымом, горелым деревом, вязал язык, немного горчил, но все-таки был удивительно вкусен. Так хорош, что я глотнул еще два раза и только потом передал котелок.

Так мы пили по очереди, экономно откусывая сахар и смакуя каждый глоток чудесного напитка, изгоняющего дрожь и щенячье желание скулить.

Взошло солнце и обсушило траву и деревья. Мы выкупались в реке, смотали удочки и бодро зашагали домой. За моей спиной болтался на бечевке пойманный сом. И то ли оттого, что я впервые возвращался домой с такой добычей, или потому, что я наконец-то «хлебнул» ракутвого чая и отныне мог считать себя бывалым рыболовом, только мне снова захотелось горланить и кувыряться.

С тех пор прошло много времени. Я теперь хорошо владею искусством варить настоящий рыбацкий чай. И когда случается быть на берегу реки, не премину после доброй ухи попить в тишине ночи чайку вприкуску.

1. Опираясь на прочитанное, составьте полный список «правил», следуя которым можно приготовить «ракутвый чай».

2. Выпишите слова и выражения, с помощью которых отображена жизнь природы. Выделите и назовите три-четыре наиболее употребительных изобразительных приёма.

3. Напишите эссе-размышление на тему «Удалось ли героям рассказа приготовить ракутвый чай “по всем правилам”?» (10-15 предложений)

Многопрофильная олимпиада КГУ «Твой выбор» по литературе 10 класс

Прочитайте рассказ Е.И. Носова «Майский подарок» и выполните задания.

Е.И. Носов

«Майский подарок»

Всю ночь гроыхала первая майская гроза. Но к рассвету небо было уже чисто, и от грозы остались лишь необыкновенная свежесть, умытая зелень и пенистые лужи в колеях просёлка.

Пригородный поезд волочит свой шлейф из нежнорозового пара по этим лужам, по чёрным пашням и залитым водой болотцам. Поднятые с лугов чибисы, вскрикивая и переваливаясь с крыла на крыло, долго летят рядом с вагонами, ныряя в клубы пордевшего пара.

В открытые окна захлёстывает упругий луговой ветер.

Ветер полощет занавески, растрёпывает волосы пассажиров, нетерпеливо перевёртывает страницы книги в руках моего соседа, но никто и не думает встать и поднять рамы.

И кажется, в вагоне нет такого человека, который не чувствовал бы и этот майский ветер, и необыкновенную свежесть красок за окном, и крепкий запах напоённой влагой земли. Ко всему этому трудно оставаться равнодушным.

Вагон длинный, без перегоронок, и мне видны почти все пассажиры.

Мой сосед, пожилой городского вида человек с маленьким потёртым чемоданчиком на коленях, едет, вероятно, в командировку. В самом начале пути он достал из чемодана книгу, разломил её посередине, надел очки и приготовился читать. Но, едва перевернув две-три странички, засматривается в окно.

— Благодать-то какая! — трогает соседа за рукав старик, который сидит у нас за спиной, по другую сторону лавки.

Старик держит меж острых колен пучок коричневых прутиков. Прутики у основания обёрнуты мешком и корнями опущены в ведёрко.

— Пора уже помирать, а я всё сажаю! — старик добродушно смеётся, обнажая пустые розовые дёсны.

...Едут две подружки в пёстрых шёлковых косынках-обновках, в одинаковых монистах. К ним подсаживается морячок. Девчата смущаются, краснеют, отвечают резко, но парня не обрывают.

— Так-таки никуда и не ходите? — морячок придвигается поближе, заглядывает в глаза.

— Никуда.

— Так и замуж не выйдете.

— А мы уже замужем.

— Травите?

— Чего?

— Травите, говорю. Врёте то есть, что замужем.

Поезд останавливается на полустанке. Моряк высовывается из окна, глядит направо-налево, потом срывает с себя бескозырку, швыряет её на скамью рядом с девчатами:

— Скажите — занято, — и опрометью вылетает из вагона.

Поезд трогается. Мимо медленно проплывают кирпичная будочка разъезда, колодец с двухскатной крышей под срубом, штабеля старых шпал, кусты придорожной посадки. И вдруг в окно летят ветки черёмухи. Одна, другая, третья... Девчата

подхватывают черёмуху, а в это время в окне показывается довольная, улыбающаяся физиономия морячка. Он схватился рукой за раму и бежит рядом с вагоном. Подружки ахают. Морячок одним рывком переваливается в вагон и нахлобучивает бескозырку прямо на запутавшиеся в кудрях лепестки черёмухи.

И снова поезд мчится, и снова по вагону гуляет ветер. Люди пригляделись друг к другу, разговорились.

И только теперь я обратил внимание на женщину, что сидит как раз напротив. У неё круглое детское лицо, широкий вздёрнутый нос, полные сухие губы. Серые глаза на фоне тёмной заветренной кожи кажутся выцветшими. Под платком видна граница загара, за которой белеют нежные маленькие уши с простенькими серёжками. Ей, пожалуй, уже около тридцати, но во всём её облике так и осталось что-то от подростка. Она сидит тихо всю дорогу. Поверх синего платья подвязан чистый белый передник, в ещё не распрямившихся складках. По этому переднику я догадываюсь, что она из дальнего глубинного села, где ещё сохранился обычай по торжественным случаям подвязывать белый фартук. В этой одежде она походит на школьницу в форменном платье. Руки она держит под фартуком, положив ладони на колени. У её ног стоит ивовая корзина, накрытая клетчатым платком.

Почему-то с ней никто не заговаривает. Она тоже молчит, порой прислушиваясь к словам, иногда задрёмывая.

Я смотрю на неё с сочувствием. Она такая неловкая, одинокая и какая-то безразличная ко всему.

На следующей станции вваливается шумная ватага сельских парней. Шёлковые сорочки, пиджаки внапашку, сапоги начищены до зеркальной ясности. На звуки гармошки, как на магнит, пассажиры поворачивают головы. В вагоне становится шумно.

Я взглядываю на женщину в белом переднике. Она сидит всё так же тихо и думает о чём-то своём. Потом медленно высвобождает из-под фартука руки, тянется к корзине и открывает платок. Рука шарит в глубине корзины, достаёт маленький свёрток в серой обёртке. Женщина разворачивает бумагу и расправляет на фартуке новую детскую рубашечку. Рубашка годика на три, синяя в белую полоску.

Женщина долго разглядывает попку, застёгивает и опять расстилает рубашку на коленях и осторожно водит по ней широкой ладонью. Рука сильная, мужская. Шершавые, натруженные пальцы цепляют за материя.

И я вижу, как начинает светиться радостью её лицо. На щеках сквозь загар проступает румянец, глаза полнятся глубокой синью, а на губах тихая светлая улыбка, и губы шевелятся и что-то шепчут, что-то говорят рубашечке...

Старик с яблоней кивает мне многозначительно и прикладывает к губам палец. Потом трогает своего соседа.

Её руки всё так же лежат на детской рубашечке, но сама она теперь глядит в окно, и глаза её полны тихой радостной задумчивости.

1. Составьте список точных примет времени, присутствующих в рассказе «Майский подарок».

2. Выпишите из текста 3-4 примера употребления наиболее ярких изобразительных средства, позволивших автору через портреты персонажей обрисовать их внутренний мир.

3. Опираясь на текст произведения, напишите историю одного из героев (придумайте ему имя, предысторию, «маршрут», поразмышляйте об отношении автора к нему). Объясните, почему из числа пассажиров именно этот персонаж показался Вам наиболее интересным (10-15 предложений).

Многопрофильная олимпиада КГУ «Твой выбор» по литературе 11 класс

Прочитайте рассказ Е.И. Носова «Дорога к дому» и выполните задания.

Е.И. Носов

«Дорога к дому»

Говорят: жизнь на дорогах. Под этим подразумевается тот заряд эмоционального воздействия, те впечатления, которые человек получает в пути. Даже наша обыденная повседневная формула «дом — работа» была бы неполна, если бы между этими важными и главными компонентами нашей жизни не стояло маленькое тире — дорога.

Что же говорить, когда это маленькое тире превращается в долгую линию, уводящую нас за горизонт...

Да, дорога за горизонт — это прекрасно! Она и манит, и обещает, и волнует. Как-то иначе бьется сердце, острее становятся глаза, и чувствуешь, как за спиной прорезаются крылья. Воистину, лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать.

Мне довелось увидеть многое. Видел Кызылкумы — Красные пески, где, несмотря на сорокаградусную жару, местные ребятишки, черные, как стручки акации, гоняли мяч, норовя забить его между двух флегматично дремлющих верблюдов, служивших им футбольными воротами. Выходил на заснеженные перевалы Джунгарского Алатау, за которым из-под ладони виделся Китай. Пробирался девственными борами Беловежской пуши, напоенными такой хрустально-звонкой тишиной, что далеко слышать, как, падая, стучит по сучьям сорвавшаяся шишка. На таежных увалах Сибири рвал охапками жарки, факельно пылающие в нетронутых травах. Пил воду Сырдарьи и Северной Двины, Кубани и Волги, Тихого Дона и знаменитой Непрядвы на Куликовом поле, пил из Енисея и Ангары, из Онеги озера и священного моря Байкал. Входил под арку Золотых ворот во Владимире и под арку Зимнего дворца, безмолвно стоял перед невянущими фресками Дионисия в Ферапонтовом монастыре и заглядывал в ссыльную келью опального патриарха Никона в Кириллове-Белозерском. Преклоненно замирал в залах Третьяковки и, ошарашенный, смятенный, и в то же время с гордым чувством за величие человеческого духа уходил из Эрмитажа...

А как волнуешь одна только Москва, уже исхоженная вдоль и поперек, почти что обжитая за многие наезды. Просты ее улицы — большие, рекоподобные, и малые, ручейково-причудливые в своих извилах — эти Столешников переулочек, Сивцев вражек или какойнибудь проезд Соломенной сторожки. Это вдруг открывшийся в тени липовых бульваров непокрытый Гоголь в дорожной накидке, легендарный дом Ростовых или арбатская церковь, где венчался вдохновенный и полный надежд и замыслов Пушкин с блистательной и тонкой, как белая шахматная королева, Натали...

Но газета есть газета, она вызывает к краткости, и я поневоле должен свернуть свой перечень, хотя и неудержимо хочется рассказать еще и о многих других дивных городах и замечательных людях, встречавшихся на моем пути, например, о великоустюжских умельцах, удивляющих весь мир своей чернью по серебру, или об умельцах с ленинградского металлического завода, тоже удивляющих мир своими супертурбинами...

Да что там! Всего не передать.

И вот всякий раз — наездишься, насмотришься, наудивляешься, голову распирает от впечатлений, приходит момент, когда ноги и глаза уже отказывают: ноги не несут, а взгляд начинает скользить по поверхности — и вдруг неудержимо, ностальгически, с каким-то подскуливанием души захочется к себе, домой, в Курск. Вглядитесь в полотно Рембрандта «Возвращение блудного сына»: право, приходит такое состояние, которое наиболее полно схвачено и запечатлено в этой картине, где древний и добропочтенный

старец-отец, положивший свои добрые руки на спину беглеца, в такие минуты всегда ассоциируется в моем сознании с обликом родного города.

...Как-то поспешно, уже отрешенно бросаешь в чемодан неизрасходованные рубахи, надоевшие галстуки, без сожаления оглядки захлопываешь московский гостиничный номер и с тайной вожаделенностью выкрикиваешь таксисту: «На Курский!» В эту минуту он — лучший из всех вокзалов. Многие едут в том направлении — туляки, орловцы, белгородцы и далее — во многие города и веси российского юга, Украины и даже всего Кавказа и Закавказья, но вокзал все же назван не «Тульским», не «Орловским», даже не «Кавказским», а почему-то в угоду твоей душе: «Курский», и все тут!

Нетерпеливо куришь и топчешься на четвертой платформе в ожидании поезда, тоже лучшего из всех поездов, потому что на его занавесках видишь силуэт курского соловья, нашего птичьего полпреда в столице, а когда, наконец, подадут состав и ты предстаешь перед проводницей, учтиво обтирающей чистой тряпкой поручни, она, эта иногда не в меру тучноватая тетенька, кажется тебе наипервейшей красавицей и чуть ли не сестрой родной. А говор ее, наш, черноземный, где каждое «г» как будто обернуто бархотцей, звучит почти что откровением. И весь мчащийся поезд полон этого умягченного говора — наши едут, свои, куряне. И отдыхает душа, и умиротворенно смежаются веки...

Спишь безмятежно, раскованно, почти забывчиво, потому что знаешь: поезд фирменный, никуда тебя, сонного, не завезет, кроме как до родного порога. Но это только пока едешь по незнакомым местам, мимо станционных надписей: «Щекино», «Горбачево», «Мценск», «Змиевка», «Глазуновка»...

Казалось бы: устал, намаялся, спи себе, посапывай под убаюк колес, ан нет же, на рассвете будто кто дернет тебя за вихор, и ты поспешно тянешься рукой к занавеске. Поезд стоит, тишина, меркло светит станционный фонарь, и в полусвете его читаешь азбучные буквы, каждую на отдельном квадратике: «Поныри». Азбучная надпись еще и потому, что слово «Поныри» знают у нас, на огненной земле, даже малые дети... И все: сна как не бывало. Завертелись, закрубились думы, воспоминания: Курская дуга. Сколько ни едешь мимо, но всегда это краткое слово «Поныри» сжимает сердце колючей проволокой окопа. Хватаешься за сигареты и уже до самого конца выходишь в коридор.

Смотришь, еще и еще кому-то не спится, кто-то вышел в коридор, к окошку. А за окном уж заиграл рассвет, вызолотилась намеком дня дальняя полоса над горизонтом, и заворочалось, заходило ватное одеяло тумана над сонной землей. Выбелилось спелое поле пшеницы с мокрым комбайном, прикорнувшим в четкой дреме на часок-другой — до первого луча солнца. Промелькнуло безлюдное, предрассветно-сонное село под купами обмякших раки, потом — одинокая будка с заспанной молодой в желтом жилете и с желтым свернутым флажком. А рядом с будкой на веревке — детское бельишко, две-три яблоньки с отяжелевшей антоновкой в пыльных усталых листьях, грядка капусты... Бог ты мой, капуста! — умиляешься ты, вовсе забыв за всякими экзотиками, что на свете есть простая курская капуста... И вот уже перед глазами сизый, осыпанный росой лужок, где наверняка об эту пору за стуком поезда неслышно для нас орут коростели, подушно делят покосы. А тут уж гроыхнул железный мосток через полоснувший отсвет зари извив речушки с неказистым ивнячком на излуине, и как раз в эту минуту, чтобы смутить тебя окончательно, беззвучно вспухла вода и разошлась кругами от взывавшей рыбины. И запоздало признаешь: да это же, черт возьми, Тускарь! Ну как же, вон и та самая кручка, с которой не далее, как этой весной, ловили голавлей на выползка. И глядишь, глядишь, поздно спохватившись, выворачивая шею и вдавливаясь щекой в стекло: Тускарь же! Что там Сырдарья! Какая Сухона! И не знаешь сам, как и когда без слов запоется:

*На дальней станции сойду,
Трава по пояс...*

Ну, а от Свободы до дома — рукой подать. Начинает бугриться тускарное заречье, далеко, аскетично, в перламутровой пустоте неба одиноко выбелилась Акиманная церковь, следом выгнулась дугой насыпная плотина будущего моря, вагон ожил, застучал лавками, заклацал дверьми: Курск!

Нет! Еще не вокзал. Пока только все те же заречные кручи, но уже в высотных башнях домов, то тут, то там вырвавшихся из зелени. Город на горе, город на заре,— просятся стихи. Я не знаю здесь, в центре России, других таких городских высоко вознесшихся силуэтов. Тула? — нет, равна, как столешница. Орел? — тоже нет. Разве что Киев, который некогда срубил и наш Курск себе в подобие. И мы горды, что нам сегодня 950. Впрочем, это ведь только летописное упоминание. Наверняка нам тысяча, а то и за тысячу. Кто теперь знает точно... Знаем только, что когда в самом начале XI века отрок Феодосий ушел из Курска, чтобы стать игуменом Киево-Печерской лавры, а затем остаться в веках одним из первых наших любомудров и просветителей, в Курске уже были книги. Стало быть, были и полки для книг, а над полками — крыша, а крыши — это уже город... И стоял он, высокий, теремной и башенный, как раз на самом лезвии хребта между Тускарью и Куром. Как раз там, на княжеском подворье, колыхались копья и пики дружины буй-тура Всеволода, уходившего в знаменитый степной поход. Именно оттуда, с тех курских высот, прозвучало гордое Всеволодово слово:

«А мои ти куряне сведомы кмети: под трубами повиты, под шеломами взлелеяны, с конца копия вскормлены, пути им ведомы, яругы им знаемы, луци у них напряжены, тули отворены, сабли изострены, сами скачут, аки серы волци в поле, ищучи себе чти, а князю славы».

Проходили века, менялся облик города, принимал другие очертания его водораздельный силуэт. Был он крепостным оплотом Киевской Руси — нагрянул Батый, спалил все дочиста. Потом пришли стрельцы и пушкари, отстроили все наново, и стал он оплотом Руси Московской...

Но ни в какие века так не менялся Курск своим лицом и душой, как в наше, советское время, а точнее сказать, за послевоенные годы. Многие куряне, живущие в других концах страны, скажем, лет двадцать, уже с трудом узнают его улицы. А такие, как улицу Ленина, или Радищева, или, допустим, Энгельса и Карла Маркса вовсе не узнают. А разве узнать наше Завокзалье или рышковское Засеймье?

Я ведь еще помню это довоенное Засеймье тридцатых годов. То были просто деревеньки: Ламоново, Рышково, Цветово, Гуторово... Неказистые соломенные деревеньки, с плетнями, плетневыми хлевами, с серо одетыми бабами и мужиками. От города их отделяла речная уремная чащоба, через Сейм был переброшен хилый деревянный мосток. В ночь они собирали свои возки на воскресный базар, к рассвету по булыжной мостовой взбирались на Белую гору (ныне многоэтажная улица Энгельса) и, тряся и соря сеном, полоша сонные пригородные улицы кегеканьем гусей, скрипом колес и цоканьем копыт косматых низкорослых лошадемок, спешили по Держинской, по Красноармейской на Покровский рынок.

Да и сам город, честно сказать, не ахти как выглядел в те годы. Давайте мысленно уберем все, что мы настроили за последние два десятка лет, а вместо этого поставим прежние мещанские домочки и купеческие потуги на жалкую двухэтажную респектабельность. Сдерем до булыжника весь асфальт, посыпьем сверху конским навозом и сенной трухой, ибо булыжные улицы мести метлой было просто невозможно и их время от времени смывали лишь летние ливни. Давайте к этому прибавим темень и грязь заштатных улиц и переулков, подслеповатые лавчонки, пропахшие рогожей и керосином, натыкаем пожарных вышек, которые, однако, не избавляли город от пожаров, служивших захватывающим зрелищем для босоногих курских мальчишек. Хилые предприятия, жестяной трамвайчик, еще не ходивший к вокзалу и едва пробивавшийся к Барнышовке...

Это город в первую свою пятилетку. А что же тогда было до революции? Гляжу на старые фотографии Курска. На Красной площади, где ныне чистота, торжественный порядок, голубые ели и памятник Владимиру Ильичу, на этой самой площади неопратно, муравейно копошатся людом обжорные ряды... <...> Московская улица (ныне имени Ленина), кривой телеграфный столб, городской с тяжелой саблей на углу Почтовой и пароконный экипаж. А в экипаже – барчук в жилетке и с усами, закрученными по-кайзеровски. <...>

Нет, не хотел бы я жить в том Курске. Мне бы до зубной боли недоставало и света в широких окнах, и таких привычных теперь киосков «Союзпечать» на углу с их россыпью всевозможных газет и журналов, недоставало бы разливов цветов на газонах, шумных, говорливых стаяк студентов на улицах и скамейках. <...>

...Я не отрещиваюсь от прошлого, время отсеяло в нем много хорошего, чем можно поистине гордиться. Но я живой человек, и мне свойственно и естественно любить все живое, настоящее, сегодняшнее. А следовательно, и все то, что грядет завтра.

Я люблю утро.

Вот оно встает над родным городом. В окнах домов, пока только самых последних этажей, воссиянно отражается взошедшее солнце. И кажется, будто город открывает глаза и еще издали приветно всматривается в бегущий в его объятия поезд.

*Здравствуй, Курск!
Тенистая прохлада!
С дороги пыль стряхну:
Я не был столько дней...
Все повидал,
Но ничего не надо
Взамен тебя,
Твоих родных камней.*

1982

1. Составьте список произведений писателя, в которых мотив дороги является ведущим.

2. Выпишите из текста ключевые слова и выражения, с помощью которых автор воссоздает образ Курска. Укажите 3-4 художественных приема, позволивших автору выразить отношение к родному городу.

3. Ориентируясь на авторский замысел, стилистику данного произведения и собственные впечатления, напишите «продолжение» очерка «Дорога к дому» (10-15 предложений), запечатлевающее образ города Курска последнего десятилетия.